

DOI: 10.15643/libartrus-2014.6.9

Юго-восточная политика России середины XVIII в. в свете ориенталистского дискурса

© Б. А. Азнабаев

*Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН
Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, 450005, Проспект Октября, 71.*

Email: azbulattt@rambler.ru

В статье на примере исследовательской деятельности П. И. Рычкова анализируется корректность применения ориенталистского дискурса Э. Саида к колониальной политике Российской империи. На основании изучения интеграции башкир в структуру российского государства автор приходит к выводу о том, что политика России на востоке опиралась на опыт управления нерусскими народами, который сложился еще в XVI–XVII вв. Выстраивание «культурной дистанции» характерно только для небольшой группы образованных администраторов послепетровской эпохи. Большинство же чиновников края, как в предшествующий период, так и во времена Рычкова и Татищева предпочитали полагаться на традиционные методы управления башкирами, которые сложились еще в период их добровольного присоединения. Даже в XIX в. на политику в отношении юго-восточных народов России значительное влияние оказывали управленческие стереотипы XVI–XVII вв. Российской администрации свойственно стремление интегрировать нерусские народы в общую сословную структуру государства на основе аналогий или соответствий, целью которых являлось социальное и культурное сближение двух обществ.

Ключевые слова: *ориентализм, Российская империя, Оренбургская губерния, башкиры, П. И. Рычков, интеграция, колониализм.*

В 2000 г. на страницах авторитетного журнала «Slavic Review» началась дискуссия о применимости ориенталистского дискурса, открытого Э. Саидом, к российскому имперскому опыту [17, с. 74–100; 1, с. 310–322; 5, с. 323–343; 13, с. 349–353]. Американский историк Н. Найт попытался доказать некорректность распространения этого подхода на Россию, взяв в качестве примера административную и научную деятельность выдающегося русского востоковеда В. В. Григорьева. В 1851 г. Григорьев после ряда неудач на издательском поприще переехал в Оренбургский край, где занял должность начальника Оренбургской пограничной экспедиции. В его компетенцию входили дела по сношению с казахскими ханами. В Оренбурге В. В. Григорьев собрал богатейший материал, легший в основу цикла научных исследований. Однако вскоре Григорьев вступил в определенную конфронтацию с местным начальством и был вынужден покинуть службу и Оренбургский край. В заключении своей статьи Найт заключает, что административная карьера и научная деятельность в России не могли служить дополнением друг другу, поскольку цели колониальной политики вступали в противоречие с интеллектуальными и этическими принципами исследователя.

Напомним, что сам Э. Саид понимал под ориентализмом западный способ доминирования, перестройки и властвования над Востоком [12, с. 344]. Что лежит в основании этого господства? «Полнота» Запада и «пустота» Востока. На наш взгляд, обоснование гегемонии Запада напоминает апофатическую теологию, в которой определение дается через последовательное отрицание определений, не соизмеримых объекту. Как отмечает сам Э. Саид, с точки

зрения Запада Востоку присуще коммеморативное отсутствие [12, с. 289], т.е. на Востоке нет свободы, нет развития, разума и т.д. Испытав на себе сильное воздействие концепции М. Фуко «знания-власти», Э. Саид не видит различия между представлениями о Востоке писателя из метрополии, колониального чиновника, ученого-ориенталиста или командующего экспедиционным корпусом. Все они участвуют в формировании корпуса знания, которое в конечном счете дает власть над Востоком [12, с. 313]. «Знание-власть» призвано утверждать непреодолимость дистанции между Востоком и Западом [12, с. 353].

Аргументы Н. Найта против распространения ориенталистского концепта на России сводились к тому, что Григорьев так никогда и не достиг успеха в обретении политической власти, на что он очень надеялся. К тому же, Григорьев был категорическим противником военной экспансии России в Центральной Азии. Но главный тезис Н. Найта сводился к тому, что российское правительство не воспринимало информацию научных дисциплин в своей повседневной политике. В контексте российского самодержавия с присущим ему агрессивным стремлением сохранить исключительные права инициировать и осуществлять политику, уровень его восприимчивости был, я бы сказал, относительно низким, и эта восприимчивость носила скорее эпизодический, нежели системный характер [5, с. 329].

Насколько административная и ученая деятельность П. И. Рычкова вписывается в ориенталистский концепт Э. Саида? Следует подчеркнуть, что Э. Саид не углубляется в историю дальше XIX в. Вместе с тем, расцвет научной и чиновнической карьеры П. И. Рычкова пришелся на вторую треть XVIII в., когда предпринимались лишь первые шаги по изучению Востока европейскими путешественниками и учеными.

Начало исследовательской деятельности П. И. Рычкова не следует связывать с академическими целями. Им двигали исключительно утилитарные мотивы, обусловленные особенностью управления нерусскими народами Юго-востока России. Одна из главных причин, побуждавших оренбургских чиновников обращаться к прошлому региона, заключалась в административной специфике Оренбургского края. В ходе восстаний второй половины XVII – начала XVIII вв. башкирам удалось добиться восстановления почти всех привидений и прав, утвержденных в ходе добровольного вхождения в состав государства в середине XVI в. Именно по этой причине в воеводских наказах и инструкциях первой трети XVIII в. неизменно повторялись предписания «суд башкирцам чинить по прежним государевым указам». Требование управлять краем «по старине» предполагало знание этой «старины». К примеру, специальным распоряжением Сената от 1734 г. было указано разыскивать в архивах и у местного населения все жалованные грамоты, которые получили башкиры от прежних государей [7, л. 5]. П. И. Рычков, в силу способности к иностранным языкам и склонности подмечать важные детали, очень рано выделился из среды малообразованных провинциальных чиновников. Руководитель академической экспедиции первой половины 70-х гг. XVIII в. И. И. Лепехин признавал, что в Оренбургской губернии П. И. Рычковым было обследовано и описано многое из того, что интересовало петербургских ученых [4, с. 218].

На первый взгляд, научное творчество и административная деятельность П. И. Рычкова может послужить идеальной иллюстрацией для концепта «знания-власти». Несмотря на то, что В. Н. Татищев, Г. Ф. Миллер и М. В. Ломоносов видели в П. И. Рычкове настоящего ученого и оказали ему всестороннюю поддержку в стремлении стать членом-корреспондентом Академии наук, Петр Иванович Рычков оставался в первую очередь чиновником, а его административная деятельность имела безусловный приоритет перед научными изысканиями. Лю-

бое крупное исследование Рычкова предшествовало решению какой-либо конкретной управленческой проблемы. Например, в 1744 г. по заданию правительства П. И. Рычков закончил отчет о деятельности Оренбургской экспедиции. Впоследствии этот документ лег в основу «Истории Оренбургской по учреждении Оренбургской губернии», которая представляла собой первый в отечественной историографии научный труд по истории и географии Башкирии. Показательно то, что первоначально П. И. Рычков не предполагал публикацию работы. Он считал, что написал своего рода справочник или пособие для будущих администраторов, не знакомых с спецификой управления регионом. П. И. Рычков даже предлагал правительству ежегодно дополнять собранные им сведения новыми материалами: «...чтоб на каждый год собрать и впредь содержать особые краткие записи, означивая в них знатные и достопамятные приключения как по заграничной, так и по внутренней экспедициям, такие ежегодные записи не только ради любопытства служить, но и в правлении губернских дел немалую пользу принести могут определяемым вновь в ту губернию командирам и служителям, потому что они им будут наставлением и всегдашним напоминанием, дабы в настоящих делах, не впоследствии каких ошибок и упущений» [10, с. 12].

Написание «Топографии Оренбургской» непосредственно связано с работой по составлению «Генеральной карты» Оренбургской губернии и прилегающих к ней территорий Казахстана и Средней Азии. Начатая в 1752 г. эта работа завершилась созданием в 1755 г. атласа, выполненного геодезистом прапорщиком И. Красильниковым. «Топография Оренбургская» рассматривалась автором как пояснение к картам Красильникова по историко-географическому описанию края.

Изложение фактов прошлого П. И. Рычковым подчинено главной цели исследования – рассмотреть предисторию той или иной административной проблемы. По этой причине события, предшествующие организации Оренбургской экспедиции, излагаются П. И. Рычковым схематично и по бюрократически лапидарно. Автор описывает только те события, которые позволяли объяснять причину современных ему административных проблем.

В исторической литературе много внимание уделено формированию исследовательских методов П. И. Рычкова. П. П. Пекарский указал на влияние, которое оказали на научные изыскания П. И. Рычкова Г. Ф. Миллер, И. К. Кирилов и В. Н. Татищев [6, с. 65]. Вместе с тем, никто из многих исследователей творчества П. И. Рычкова не обратил внимания на то, что именно он первым попытался создать стереотипические образы народов, населявших Юго-восток России. Эта сторона научного творчества П. И. Рычкова вполне укладывается в дискурс ориентализма, который детерминирует конструирование четкого представления о колониальном народе с определенным набором качеств [12, с. 45]. В одной из своей статье, опубликованной в трудах Вольного экономического общества П. И. Рычков представил краткую и удивляющую своей безапелляционностью оценку двух довольно значительных народов восточной окраины России: «Башкиры и киргизцы издавна смежно кочевавшие, по началам их и по языку, да и по многим обстоятельствам, хотя и мнятся быть одноплеменными, но во нравах их и склонностях примечается великая и удивительная разность. В киргизцах главная страсть – лакомство, от которого бывают они поползновенны на всякие похищения и грабительства, жадны к подаркам и часто просят и вымогают их для себя с великим бесстыдством, но в башкирцах, как оне не грубы, за главную их страсть приметно честолюбие [11, с. 180].

Какую цель преследовала эта гомогенизация образа народа? По утверждению Э. Саида ориентализм конструирует культурную дистанцию, которая легитимирует политическое господство.

Следует обратить внимание на то, что на этот цивилизационный диссонанс указывали прежде всего те администраторы края, которые отличались интересом к современным им научным и философским воззрениям. Это И. К. Кирилов и В. Н. Татищев. Выдающийся историк и одновременно глава Оренбургской экспедиции В. Н. Татищев в своем послании в Сенат от 1737 г. он описал то расхождение, которое существует в понимании основных положений подданства между российской администрацией и башкирами: «Земли данными ея императорским величеством называют они (башкиры – Б. А.) своими, а бунты войной, отпущения же вин миром для того, что народ степной и дикой и к тому же испортила их прежняя воля» [8, л. 230]. Кульминацией подобного подхода является речь главы Оренбургской экспедиции В. А. Урусова, адресованная в 1737 г. старшинам и «лучшим» башкирам. Еще Б. Э. Нольде обратил внимание на то, что авторство текста речи Урусова принадлежало П. И. Рычкову [10, с. 189]. В. И. Урусов обратился к собравшимся со словами: «Отчаянные воры башкирцы! Разорители своего покоя и отечества!» Углубляясь в прошлое Урусов заметил: «Башкирской ваш народ, между которым всегда с начала вашего подданства большая часть воров и возмутителей были, а добрых самое малое число, изстари был один с нагайцами» [10, с. 94].

Высшие чины администрации середины XVIII в. с неизменным постоянством приписывают башкирам такие универсальные характеристики, как легкомыслие, дикость, высокомерие, непостоянство, невежество, бунтарство, жестокость и злобность. Позитивные качества местного населения выражаются в терминах «людкость» и «верность». Культивирование последних свойств связывается высшими чиновниками с увеличением интенсивности контактов башкир с русскими. В своей инструкции Оренбургской пограничной комиссии П. И. Рычков отметил, что те башкиры, которые живут ближе к городам и «обретаются в торгах с русскими» гораздо лучше внутренних и зауральских [9, л. 9]. Таким образом, первый исследователь края предполагал, что культурная дистанция между русскими и башкирами может быть частично преодолена в результате благотворного влияния общения башкир с жителями городов. Очевидно, что для оренбургского чиновника православный землепашец не являлся субъектом культурного влияния.

Насколько российские власти в своей повседневной практике управления национальными окраинами учитывали рекомендации и наблюдения таких ученых бюрократов как П. И. Рычков или В. Н. Татищев? Если не считать осложнений, возникших на закате служебной деятельности В. Н. Татищева, у обоих чиновников карьера сложилась вполне успешно. Их влияние на политику властей в регионе отражено во многих официальных распоряжениях местной администрации.

Тем не менее, исследователь истории взаимоотношений башкир с российскими властями обратит внимание на то, что выстраивание «культурной дистанции» характерно только для небольшой группы образованных администраторов послепетровской эпохи. Большинство же чиновников края, как в предшествующий период, так и во времена Рычкова и Татищева предпочитали полагаться на традиционные методы управления башкирами, которые сложились еще в период их добровольного присоединения. Даже в XIX в. на политику в отношении юго-восточных народов России огромное влияние оказывали управленческие стереотипы, возникшие в XVI–XVII вв. Напротив, такие колониальные державы как Англия или

Франция не обладали опытом государственного управления заморскими территориями XVI–XVII вв. В российской же системе администрирования, несмотря на модернизационные эксперименты петровской эпохи, вполне зримо прослеживается преемственность в управлении населением Южного Урала. В чем она выражалась? Начиная с конца XVI в. мы видим стремление российских властей найти башкирам место в общей сословной структуре российского общества на основании подбора аналогии или соответствия тем социальным институтам, которые уже существовали в российском государстве. Историк, изучающий лексику приказной документации XVI–XVII вв., обнаружит в повседневной практике управления нерусскими народами установку не на дистанцирование, а на сближение двух социумов путем поиска схожих структурных элементов в российском и башкирском обществах. Например, в приказной документации отношении всех башкир употреблялся термин «холопы великого государя». В XVII в. самоназвание «холоп твой» уже осознавалось как привилегия российского служилого сословия, поскольку крестьяне и посадские люди, по словам Г. Котошихина, «пишутца в челобитных своих рабами и сиротами, а не холопами» [3, с. 127]. Специфика использования данного термина в отношении башкир заключается в том, что он распространяется не на отдельные привилегированные группы, но на весь народ, выступающий в качестве однородного служилого сословия. Примечательно то, что в документах сибирских приказных изб XVII в. включение в российское подданство башкир трактовалось как «запись в службу». Таким образом, все башкиры не только встраивались в российскую сословную иерархию, они в этой иерархии занимали более высокое место, нежели православное податное население. Следует отметить, что принадлежность к служилому сословию сохранялась за башкирами до середины XIX в. Несмотря на специфику, присущую башкирским родоплеменным организациям, они в российском делопроизводстве XVII в. назывались «волостями». Башкирское землевладение официально признавалось вотчинным, хотя вотчинное право башкир существенно отличалось от аналогичного права служилого населения России. В уфимских десятнях (именных списках служилых людей по отчеству) башкирские тарханы приравнивались к татарским мурзам и т.д. Этот напряженный поиск соответствия институтов иного социума частям государственного целого наводит на мысль о стремлении создать единство не только государственного, но и культурного пространства. Действительно, в общей исторической памяти сохранялись воспоминания о былом единстве. Для башкир, добровольно принимавших российское подданство в середине XVI в., российское государство не являлось чуждым политическим образованием. В середине XVI в. обе стороны рассматривали это событие в качестве акта восстановления прежнего государственного порядка, который существовал на евразийском пространстве до распада Золотой Орды. Для башкир Иван IV являлся законным приемником власти ханов, а Москва представляла собой новый центр прежней империи с легитимной властью на всем бывшем пространстве улуса Джучи. Царское правительство подерживало эту символическую игру, не запрещая башкирам использовать в обращении к главе государства титул «белый царь», жалуя и подтверждая тарханские ярлыки, что являлось исключительным правом представителей «золотого рода», защищая вотчинные права башкирского населения, происхождение которых связывалось с ханами. Даже в середине XIX в. российская имперская власть признавала правовые традиции Золотой орды в отношении башкирского вотчинного землевладения. Министр государственных имуществ П. Д. Киселев, объясняя различие между калмыцкими и башкирскими землями, указал на то, что если первым, то есть калмыкам, даны земли казенные для пользования на том основании, на каком во-

обще раздавались земли для заселения, то башкиры владели своими землями неограниченно до присоединения их к России» [15, с. 79]. Характерно то, что рационалисты В. Н. Татищев и П. И. Рычков выступали категорическими противниками особых прав башкир на свои земли, доказывая, что земли башкир «не свои», а именно жалованные российскими царями.

И по другим принципиальным вопросам отношения к башкирам мы видим расхождение между реальной политикой и взглядами ученых чиновников. О том, что в правительстве отсутствовало единство по вопросу об отношении к башкирам в свое время очень точно заметил Н. Н. Фирсов: «Но известная вещь, что у нас в центральном правительстве относительно украин, пользовавшихся особыми правами, всегда существовали две партии, из которых одна всегда стояла за решительные меры, к смене этих украин на великорусские области, по средствам подведения их под одинаковые законы, управление и суд, а другая надеялась возбудить в этих вошедших в состав русского государства украинцах чувство приязни и расположения и русской власти и русскому народу посредством охранения особенных их прав и льгот, по отношению к башкирцами между сильными русскими людьми так же было заметно такое расхождение» [Фирсов, 1871. С. 378].

По существу эти «две партии» представляли людей с различным мировоззрением: одни стремились сохранять традиционные принципы управления, другие считали, что политика в отношении «инородцев» должна быть изменена в соответствии с идеями прогресса и разума. Отношение к прошлому лежало в основе этого раскола правящей на Востоке российской элиты.

Учитывает ли фактор этого парадигмального противоречия ориенталистский дискурс Э. Саида? Нет, эпистемология Э. Саида отличается внеисторичностью, что вполне характерно для литературоведческого подхода. Э. Саид утверждает, что западное восприятие мира базируется на жестких бинарных оппозициях развитых и отсталых (или неполноценных) рас, культур и обществ [12, с. 320]. Между тем, подобная перцепция является результатом интенсивной работы религиозно-философской мысли Западной Европы Нового времени. Л. Дюмон, написавший исследование по индийской кастовой системе, показал, что архаическому мировоззрению присуща совершенно отличная от европейской концепция «иноного» [2, с. 255]. Анализируя кастовую иерархию Л. Дюмон обратил внимание на то, что бинарные оппозиции, присущие кастовой системе, вполне могут встроены в общую формулу целое/часть. Он особо подчеркивает, что иерархия каст не сводится к проблеме власти и подчинения. К примеру, в Индии высшей кастой являются жрецы, чей статус превосходит статус воинов. Однако в плане политической или экономической власти брахманы зависят от кшатриев. Иерархия выше и глубже, чем структура властных отношений. Существует непреодолимая дистанция между кастами, но она не сводится к отношению властвования. Здесь иерархия связана с важнейшим для традиционного общества концептом «целого». Интересы целого выше интересов отдельных частей. Напротив, современное западное общество любые бинарные оппозиции – пол, класс и т.д. – рассматривает как совокупность единичных обособленных объектов. Бинарность выражается общей формулой: одна часть/другая часть. Вместо интегрирующего холизма господствует индивидуализм, где каждая часть рассматривается как самостоятельная инстанция. МакКим Мариотт, на которого часто ссылается Л. Дюмон, подчеркивает, что типичные для европейского мировосприятия дуальные дихотомии, к которым исследователи сводят социальную структуру этноса, не свойственны и не неизвестны большинству архаичных культур. Сама «карта» общества и мира, с которой они оперируют, построена на иных, более сложных и «аналоговых» (а не дигитальных), конструкциях [16, р. 412].

Подводя итог, следует признать, что российская империя в своей восточной политике была очень далека от подражания классическим образцам колониализма, представленных в XIX в. Англией и Францией. Для подтверждения своего господства над Востоком западные державы нуждались в выстраивании культурной дистанции, т.е. в создании рациональной системы различения. Европоцентристская стереотипизация Востока была свойственна всем позитивистским социологическим исследованиям XIX – начала XX вв. Стоит только вспомнить «азиатский способ производства», введенный К. Марксом для оправдания своей формационной теории. Однако при определении стратегических целей Российской империи рациональные научные аргументы не воспринимались правящими кругами в качестве последнего довода. На протяжении всего существования Российской империи ощущается влияние архаической холистской и, по существу, религиозной традиции, стремящейся к преодолению культурной дистанции в интересах всего общества.

Статья написана при поддержке гранта РГНФ 13-01-00171 «Роль дворянства в интеграции юго-восточных окраин в административную структуру Российского государства (XVII–XIX вв.)»

ЛИТЕРАТУРА

1. Адиб Халид. Российская история и спор об ориентализме // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология*. М., **2005**. С. 310–322.
2. Дюмон Л. *Ното hierarchicus. Опыт описания системы каст*. СПб.: Евразия, **2001**. 480 с.
3. Котошихин Г. О. *Россия в царствование Алексея Михайловича*. СПб.: Издание Археографической комиссии. **1906**. 135 с.
4. Лепехин И. И. *Записки путешественника академика Лепехина. Полное собрание ученых путешествий по России*. СПб., **1821**. Т. 3. 390 с.
5. Найт Н. О русском ориентализме: ответ Адибу Халиду // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология*. М., **2005**. С. 323–343.
6. Пекарский П. *Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова*. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, **1867**. 184 с.
7. РГАДА. Ф.248. Оп. 17. Д. 821.
8. РГАДА. Ф. 248. Кн. 1183.
9. РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 211.
10. Рычков П. И. *История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии*. Уфа: Уфим. науч. центр, **2001**. 295 с.
11. Рычков Н. П. *Ответы на вопросы, касающиеся до земледелия, по разности провинций кратко и по возможности изъяснения в рассуждении Оренбургской губернии. Труды ВЭО*. Ч. XII. СПб., **1787**. С. 179–196.
12. Эдвард В. Саид. *Ориентализм. Западные концепции Востока*. СПб.: Русский Мир, **2006**. 637 с.
13. Тодорова М. Есть ли душа у русского ориентализма. Дополнение к спору Натаниэля Найта и Адиба Халида // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология*. М., **2005**. С. 343–359.
14. Фирсов Н. А. Инородческое население прежнего казанского царства в новой России до 1762 г.а и колонизация Закамских земель // *Ученые записки казанского университета*. **1871**. Т. VI. 569 с.
15. Шакурова Ф. А. *Башкирская волость в середине XVIII – первой половине XIX в.а*. Уфа, **1992**. 223 с.
16. Gerow E. India As A Philosophical Problem: Mckim Marriott And The Comparative Enterprise // *Journal of the American Oriental Society*. 2000. July-Sept. P. 412. URL: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/606012?uid=3738936&uid=2129&uid=2&uid=70&uid=4&sid=21104213489061>.
17. Knight N. Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire // *Slavic Review*. **2000**. Vol. 59. Pp. 74–100.

Поступила в редакцию 08.07.2014 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2014.6.9

South-Eastern Policy of Russia in the Middle of the 18th Century in the Light of Orientalist Discourse

© B. A. Aznabaev

*Institute of History, Language and Literature, Ufa Science Center,
Russian Academy of Sciences
71 Oktyabrya Ave., 450005 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Phone: +7 (917) 370 61 44.

Email: azbulattt@rambler.ru

The correctness of application of orientalist discourse of E. Said to the colonial policy of the Russian Empire is analyzed in the article on the example of P. I. Rychkov research. By studying integration of Bashkirs in the structure of the Russian state, the author came to the conclusion that Russia's policy in the East was based on the experience of the management of non-Russian peoples, which was developed in the 16–17th centuries. The establishment of “cultural distance” is typical only for a small group of educated administrators of past-Petrine era. Most of the officials of the region, as in the preceding period, and during the time of Rychkov and Tatishchev preferred to rely on traditional methods of Bashkir management, which was developed in the period of their voluntary accession. Managerial stereotypes of 16–17th centuries, had significant influence on policy towards South-Eastern peoples of Russia even in the 19th century. The Russian administration inherent in the desire to integrate the non-Russian peoples in the General class structure of the state on the basis of analogies or correspondences, the objective of which was social and cultural rapprochement of the two societies.

Keywords: *orientalism, Russia, Orenburg province, Bashkirs, P. I. Rychkov, integration, colonialism.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Aznabaev B. A. South-Eastern Policy of Russia in the Middle of the 18th Century in the Light of Orientalist Discourse // *Liberal Arts in Russia*. 2014. Vol. 3. No. 6. Pp. 496–594.

REFERENCES

1. Adib Khalid. *Rossiiskaya istoriya i spor ob orientalizme Rossiiskaya imperiya v zarubezhnoi istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya*. M., 2005. Pp. 310–322.
2. Dyumon L. *Homo hierarchicus. Opyt opisaniya sistemy kast [Homo Hierarchicus: The Caste System and its Implications]*. Saint Petersburg: Evraziya, 2001.
3. Kotoshikhin G. O. *Rossiya v tsarstvovanie Aleksey Mikhailovicha [Russia during the Reign of Alexey Mikhailovich]*. Saint Petersburg: Izdanie Arkheograficheskoi komissii. 1906.
4. Lepekhin I. I. *Zapiski puteshestvennika akademika Lepekhina. Polnoe sobranie uchenykh puteshestvii po Rossii [Traveler's Notes of Academician Lepekhin. Complete Works of Scientific Travels in Russia]*. Saint Petersburg, 1821. Vol. 3.
5. Nait N. *Rossiiskaya imperiya v zarubezhnoi istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya*. M., 2005. Pp. 323–343.
6. Pekarskii P. *Zhizn' i literaturnaya perepiska Petra Ivanovicha Rychkova [Life and Literary Correspondence of Pyotr Ivanovich Rychkov]*. Saint Petersburg: Tip. Imperatorskoi Akademii nauk, 1867.
7. RGADA. F.248. Op. 17. D. 821.
8. RGADA. F. 248. Kn. 1183.
9. RGADA. F. 1274. Op. 1. D. 211.

10. Rychkov P. I. *Istoriya Orenburgskaya po uchrezhdenii Orenburgskoi gubernii [History of Orenburg on the Establishment of Orenburg Province]*. Ufa: Ufim. nauch. tsentr, **2001**.
11. Rychkov N. P. *Otvety na voprosy, kasayushchiesya do zemledeliya, po raznosti provintsii kratko i po vozmozhnosti iz'yasneniya v rassuzhdenii Orenburgskoi gubernii [Answers to Questions Relating to Agriculture in Difference Provinces Briefly and Arguments in the Argument of the Orenburg Province]*. Trudy VEO. Ch. XII. Saint Petersburg, **1787**. Pp. 179–196.
12. Edward V. Said. *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka [Orientalism: Western Conceptions of the Orient]*. Saint Petersburg: Russkii Mip, **2006**.
13. Todorova M. *Rossiiskaya imperiya v zarubezhnoi istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya*. M., 2005. Pp. 343–359.
14. Firsov N. A. *Uchenye zapiski kazanskogo universiteta*. **1871**. T. VI.
15. Shakurova F. A. *Bashkirskaya volost' v seredine XVIII – pervoi polovine XIX v. [Bashkir Region in the Middle of 18 – the First Half of the 19th Centuries]*. Ufa, **1992**.
16. Gerow E. India As A Philosophical Problem: Mckim Marriott And The Comparative Enterprise. *Journal of the American Oriental Society*. **2000**. July-Sept. Pp. 412. URL: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/606012?uid=3738936&uid=2129&uid=2&uid=70&uid=4&sid=21104213489061>.
17. Knight N. *Slavic Review*. **2000**. Vol. 59. Pp. 74–100.

Received 08.07.2014.